

МАРИЯ
СЕВЕРОВА

Постыдный
СЕКРЕТ

18+

Мария Северова

Постыдный секрет

<https://litres.ru/74414913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Диана Умнова увольняется с ненавистной работы, чтобы наконец закончить книгу, которую пишет уже четыре года. Но накоплений осталось всего на девяносто два дня, а писательство пока не приносит денег.

Чтобы купить себе время, Диана идёт на эксперимент: под псевдонимом Мария Северова выпускает коммерческий любовный роман, созданный с помощью нейросети. Книга неожиданно становится успешной.

А потом в её жизни появляется Андрей Лжецов — популярный книжный блогер, который читает настоящее фэнтези Дианы, называет её писателем и постепенно становится первым мужчиной, которому она позволяет подойти по-настоящему близко.

Есть только одна проблема: Андрей не знает, что Мария Северова — это она.

И чем серьёзнее становятся их отношения, тем страшнее Диане представить, что будет, когда он узнает её постыдный секрет.

Содержание

Глава 1 Девяносто два дня	4
Глава 2 Мария Северова	23
Глава 3 Купленный месяц	41
Глава 4 Последняя глава	54
Глава 5 Настоящая книга	73
Глава 6 Семьсот против пяти тысяч	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Мария Северова

Постыдный секрет

Глава 1 Девяносто два дня

Диана Умнова сидела за кухонным столом и смотрела на число 248 416 так, будто оно могло измениться от силы взгляда. Не изменилось. Она обновила банковское приложение, снова увидела те же 248 416 рублей, закрыла его, открыла ещё раз и усмехнулась.

— Ну хотя бы последовательность есть.

Какаши со стены ничего не ответил. Плакат висел над рабочим столом уже третий год. Когда-то Диана купила его как временное украшение после переезда, потому что стены казались слишком пустыми, но временное постепенно превратилось в постоянное. Какashi смотрел на комнату единственным открытым глазом и, по мнению Дианы, чаще всего выглядел так, будто разочаровался в её жизненных решениях ещё до того, как она сама успевала их принять. Сегодня причин для разочарования было особенно много.

Диана снова открыла банковское приложение и запустила калькулятор. Квартира была своя — это главное. Ипотеки нет. Оставались коммуналка, телефон, интернет, еда, лекарства, бытовая химия и непредвиденные траты, которые осо-

бенно любили появляться именно тогда, когда человек решал, что всё предусмотрел. Кофе она тоже почему-то относил к еде, хотя последние несколько лет подозревала, что это всё-таки отдельная статья расходов.

С первой попытки получилось чуть меньше восьмидесяти тысяч в месяц. Диана нахмурилась, стерла цифру и посчитала снова — теперь без доставок, такси, случайных покупок и кофе вне дома. Вышло около семидесяти. Результат всё равно не понравился, поэтому она открыла историю операций за прошлый месяц и начала мысленно вычёркивать всё, что считала необязательным. Сыр за тысячу двести — предательство. Кофе навынос — ладно. Новая книга — инвестиция в профессию. Пицца — был плохой день. Потом обнаружились три сервиса с фильмами, один с музыкой, облачное хранилище и приложение для английского, которым Диана не пользовалась полгода, но каждый месяц почему-то считала, что вот теперь обязательно начнёт. Она отменила две подписки и на несколько секунд почувствовала себя финансовым гением.

После очередного пересчёта получилось, что если жить осторожно, денег хватит примерно на девяносто два дня. Три месяца, чуть больше. Если совсем экономить — возможно, на сто. Если покупать хороший сыр — на восемьдесят семь.

Диана посмотрела на холодильник. На дверце висел магнит с надписью: «**ПИШИ КНИГУ, ТРУСИХА**». Она купила его четыре года назад. Тогда ей было двадцать шесть, у

неё была работа, родители уже умерли, квартира ещё не была полностью её, а книга существовала в виде сорока страниц, нескольких таблиц с персонажами и уверенности, что однажды всё получится. Теперь ей было тридцать, работы не было, книга всё ещё не была закончена, а магнит почему-то продолжал разговаривать с ней таким тоном, будто проблема заключалась исключительно в недостатке характера.

— Пишу, — сказала Диана.

Какаши не поверил.

Она вернулась к ноутбуку. На экране была открыта седьмая глава. Главная героиня стояла у ворот старого города и должна была войти внутрь. Диана написала: «Каменные стены поднимались над ней...», посмотрела несколько секунд и удалила. Потом попробовала: «Город встретил её запахом дождя и сырого камня».

Она остановилась. Сырой камень пахнет? Вроде да. Но чем?

Через пять минут у неё было открыто семь вкладок про запах мокрого камня, известняк после дождя, средневековые водостоки, мох на городских стенах и устройство канализации. Диана откинулась на спинку стула и вздохнула.

— Отлично.

За двадцать минут она не написала ни одного нового предложения, зато теперь знала о мхе значительно больше, чем планировала знать за всю жизнь. Это было одной из причин, почему книга писалась четыре года. Вторая причина назы-

валась работа.

Диана долго думала, что главная проблема в нехватке дисциплины. У нормальных людей есть работа, семья, дети, ипотека, собака, огород и ещё неизвестно что, и некоторые из них всё равно каким-то образом пишут романы по вечерам. Следовательно, если Диана после рабочего дня могла только заказать еду и смотреть в стену, значит, просто недостаточно старалась.

Эта теория продержалась несколько лет — до тех пор, пока её не начало тошнить.

Сначала буквально один раз. Утро, понедельник. Диана сидела за тем же самым столом, только вместо рукописи на экране была таблица согласований. Сто сорок семь строк. В каждой — статус, исполнитель, дата, комментарий, следующий шаг.

Работа была удалённой. Когда-то это казалось мечтой: не нужно ехать в офис, не нужно вставать в семь утра, можно работать в домашней одежде, приготовить еду между звонками и даже полежать на полу пять минут после очередного совещания, если стало совсем плохо. Последний пункт неожиданно оказался самым полезным.

В тот день начальник написал:

Ты на месте?

Через минуту:

Нужна обратная связь по согласованиям.

Ещё через две:

Коллеги ждут.

Диана встала из-за стола и пошла в ванную. Её вырвало. Потом она долго сидела на краю ванны, смотрела на кафель и пыталась понять, что вообще делает со своей жизнью. Телефон продолжал вибрировать в комнате.

Когда Диана вернулась, сообщений было уже семь. Последнее:

Давай созвонимся на пять минут.

Она смотрела на него очень долго. Пять минут. Она знала эти пять минут. Они легко превращались в сорок, потом появлялась новая таблица, выяснялось, что какой-то документ «не так оформлен», а дальше нужно было писать человеку, который не отвечал третий день, и почему-то объяснять руководителю, почему другой взрослый человек не отвечает на письмо.

Диана положила пальцы на клавиатуру и написала:

Я увольняюсь.

Посмотрела. Стерла. Написала снова и отправила.

Ответ появился секунд через десять:

Что случилось?

Потом:

Давай без эмоций.

А следом:

Созвон на 5 минут?

Диана выключила ноутбук.

После этого ей ещё пришлось отрабатывать положенное

время, передавать дела, объяснять людям, где что лежит, и несколько раз отвечать на вопрос, уверена ли она. Она была уверена.

Первую неделю после увольнения Диана почти не писала. Она спала, просыпалась в одиннадцать, иногда в двенадцать, а один раз — в два часа дня и даже не почувствовала вины. Гуляла без цели, смотрела фильмы среди рабочего дня и каждый раз на секунду ощущала, будто делает что-то запрещённое. Заказывала еду, купила клубнику, которая стоила неприлично дорого, ела её прямо из упаковки и думала, что вот теперь начинается жизнь.

Вторую неделю она открыла старую рукопись. Сначала просто почитала, потом поправила пару предложений, на следующий день переписала сцену, а через несколько дней поняла, что снова думает о книге перед сном — не о работе, не о задачах, не о том, кому нужно напомнить, а о героях. Она не чувствовала такого несколько лет, и именно тогда решила, что возвращаться к работе пока не будет.

Мужчины иногда покупали мотоциклы, кто-то внезапно уезжал в Индию, а Диана решила закончить фэнтези.

План казался даже разумным. У неё были накопления, квартира, никаких детей, кредитов и никого, кого нужно содержать. Можно было дать себе несколько месяцев, закончить книгу, опубликовать и посмотреть, что получится. Если не получится — найти работу.

Проблема заключалась лишь в том, что деньги заканчива-

лись значительно быстрее, чем писалась книга.

Диана снова посмотрела на число в приложении — 248 416 рублей. Ещё месяц назад было больше трёхсот. Она прекрасно знала, куда ушли деньги. Ничего катастрофического: коммуналка, еда, какие-то бытовые расходы, новый фильтр для воды, зубной, внешний диск, который вдруг решил сломаться. Всё обычное, и именно поэтому страшное.

Если бы Диана купила сумку за сто тысяч, можно было бы сказать: вот ошибка, просто не покупать больше сумок. Но сумки не было. Деньги просто исчезали на жизнь.

Она закрыла приложение и посмотрела на Какаши.

— Девяносто два дня. Это много. За девяносто два дня можно написать книгу. Вообще-то люди пишут за месяц. Некоторые.

Единственный открытый глаз на плакате выглядел скептически.

Диана снова открыла рукопись. Фраза «Город встретил её запахом дождя и сырого камня» всё ещё была на месте, и она решила, что пусть остаётся. Следующее предложение появилось через четыре минуты, потом ещё одно. Через час у неё было две с половиной тысячи знаков, и короткое удовлетворение исчезло сразу после того, как Диана открыла калькулятор. Если книга должна быть хотя бы около четырёхсот тысяч знаков, а осталось примерно двести тысяч, то при таком темпе понадобится восемьдесят дней. Пять тысяч в день сокращали срок до сорока, десять тысяч — до двадцати.

— Конечно. Можно ещё не спать.

К вечеру Диана написала чуть больше четырёх тысяч и чувствовала себя так, будто отработала смену. Но это была хорошая усталость, совсем не похожая на прежнюю. Она приготовила макароны, натёрла сверху остатки дорогого сыра и ела перед ноутбуком, перечитывая написанное. Ей нравилось. Не всё, но достаточно.

Телефон завибрировал.

Лера.

Ты там живая вообще?

Диана улыбнулась.

Да.

Нашла работу?

Улыбка стала меньше.

Нет.

Три точки появились сразу.

А что делаешь?

Диана посмотрела на рукопись.

Пишу книгу.

В смысле ту самую?

Да.

И что потом?

Диана нахмурилась. Это был удивительно неприятный вопрос из четырёх слов.

Опубликую.

И будешь писательницей?))))

Диана долго смотрела на скобки, а потом ответила:

Стану популярнее Роулинг.

Лера прислала смеющийся смайлик.

Диана тоже.

Так было проще. Она не собиралась объяснять, что иногда действительно думала об этом. Не буквально о том, чтобы завтра проснуться известнее Джоан Роулинг, но хотелось написать что-то огромное, такое, что будут обсуждать люди, которых Диана никогда не встретит. Хотелось, чтобы кто-то ждал новую часть, рисовал персонажей, спорил о них, чтобы книга существовала отдельно от неё. Эта мечта была настолько большой и настолько нелепой, что Диана почти никому о ней не говорила. Смешно мечтать о мировой известности, когда сегодня ты сравниваешь цены на гречку в двух приложениях.

Она доела макароны, а вместе с ними закончился сыр. Это почему-то показалось символичным.

На следующий день Диана пошла в магазин и впервые составила список настолько тщательно. Хлеб, яйца, курица, рис, макароны, овощи, кофе, молоко. Возле холодильника с сыром она надолго остановилась перед тем самым, который любила, посмотрела на ценник и положила обратно. Взяла другой, дешевле почти в два раза, а дома обнаружила, что он совершенно нормальный.

Диана испытала странное чувство победы и одновременно тревогу. Она знала это состояние. Оно было старым, го-

раздо старше работы. С детства деньги нельзя было просто тратить: любая покупка проходила внутреннюю проверку — действительно ли это нужно, можно ли найти дешевле, можно ли вообще обойтись без неё.

В детстве у Дианы никогда не было ощущения, что жильё принадлежит им. Съёмные квартиры, чужая мебель, чужие обои, чужой шкаф, который нельзя выбросить, даже если у него не закрывается дверца. Переезды, пакеты, коробки и постоянно повторяющаяся фраза матери: «Это не наше, аккуратнее».

Наверное, именно поэтому Диана так любила свою студию. Тридцать два квадратных метра, не дизайнерский интерьер и не вид на Москву-реку, а обычный дом, обычная кухня и одна комната. Но её. Она могла просверлить стену, покрасить её в чёрный, снести шкаф, повесить Какаши, и никто не имел права сказать: «Хозяева будут против».

Первый раз, когда Диана получила уведомление о налоге на имущество, она даже немного обрадовалась. Потом увидела сумму, и радость стала умереннее, но всё равно подумала: «Мой налог. За мою квартиру». Это было почти счастье.

И именно поэтому уменьшающаяся сумма на счёте пугала её сильнее, чем она хотела признавать. Квартиру она не потеряет, но ощущение безопасности — вполне.

Через неделю после первого подсчёта на счёте было уже 239 870 рублей. Диана начала вести таблицу с датами, остатком и расходами. Получилось красиво и от этого ещё ужас-

нее. Однажды вечером она поймала себя на том, что всерьёз думает, можно ли растянуть упаковку курицы не на два дня, а на три, и тут же закрыла таблицу.

— Нет.

Она не голодала. У неё были деньги, почти двести сорок тысяч, но мозг уже включил режим, который она знала слишком хорошо: не трать, сохраняй, вдруг потом не будет. Вместе с ним появился и другой, гораздо более неприятный совет — идти работать.

Диана открыла сайт вакансий, и привычные слова сразу вызвали почти физическую неприязнь: «динамичная команда», «многозадачность», «высокий уровень ответственности», «согласование со смежными подразделениями», «участие в регулярной отчётности». Она закрыла страницу, через час открыла снова, посмотрела зарплаты и опять закрыла. На следующий день повторилось то же самое, потом ещё раз.

Работу можно было найти. Не мгновенно, но можно. Опыт у неё был, нормальное резюме тоже. Вернуться в IT означало снова получать деньги, спокойно покупать сыр и знать, что первого числа следующего месяца придёт зарплата. И всё же каждый раз, когда Диана представляла новый корпоративный чат, нового начальника, первые созвоны и бесконечное «коллеги, подскажите статус», внутри что-то сжималось. Она не просто хотела отдохнуть ещё неделю и не ленилось искать вакансии. Она не хотела возвращаться так сильно, что организм будто заранее готовился защищаться.

Поэтому Диана закрывала вакансии и возвращалась к книге.

Однажды ночью, уже после двух, она закончила сложную сцену и увидела в статистике почти шесть тысяч знаков за день — рекорд за последние месяцы. Диана сидела в темноте, освещённая только экраном, перечитывала последний абзац и понимала, что ей действительно нравится то, что получилось.

Именно ради этого она и уволилась. Никто не писал, никому ничего от неё не было нужно, утром не предстояло никакого созвона. Завтра она могла проснуться и продолжить эту сцену, могла писать весь день или вообще пойти гулять, если не будет сил. Свобода оказалась почти физическим ощущением.

А потом Диана посмотрела на часы. Было 02:17. Почти автоматически открыла приложение банка и увидела 235 104 рубля.

Свобода имела цену.

Диана легла спать в три, но не уснула до четырёх. Утром первым делом снова проверила счёт, словно за ночь деньги могли исчезнуть сами, выдохнула, увидев ту же сумму, и тут же разозлилась на себя. Так продолжаться не могло. Если каждый день начинать с банковского приложения, она сойдёт с ума раньше, чем закончатся накопления.

Нужен был другой источник дохода — не полноценная работа, а что-то временное, что не заберёт восемь часов в день.

Диана перебрала всё, что умела, но каждый вариант быстро превращался в ту же проблему под другим названием. IT-консультации оставались IT. На фрилансе пришлось бы заниматься той же работой и вдобавок самостоятельно искать клиентов. Редактуру чужих книг начинающей писательнице вряд ли кто-то доверит, переводы занимали слишком много времени, а тексты на заказ опять означали писать не то, что хочется.

Несколько часов она искала варианты, пока алгоритм видеосервиса не решил предложить свой.

На главной странице появился ролик:

КАК Я ЗАРАБОТАЛА 180 000 НА ЛЮБОВНОМ РО- МАНЕ ЗА МЕСЯЦ

Диана посмотрела на превью, закрыла страницу и вернулась к рукописи. Написала два предложения, перечитала их, снова открыла видеосервис и всё-таки нажала на ролик.

Девушка рассказывала о самиздате, серийности, жанровых ожиданиях, обложках, рекламе и популярных тропях. Диана включила видео скорее из любопытства, но через несколько минут поймала себя на том, что уже делает заметки. Фиктивные отношения. От ненависти до любви. Босс и подчинённая. На последнем варианте она скривилась, мысленно сказала себе «нет», но почему-то не вычеркнула его.

Чем дольше Диана слушала, тем сильнее цеплялась сама идея. Девушка говорила об аудитории, которая читает много и быстро, о книгах, которые не обязательно писать годами,

и о том, что читателю прежде всего нужны эмоции и понятное жанровое обещание. После первого ролика Диана открыла второй, потом статью, потом обсуждение авторов. Цифры везде были разными: кто-то зарабатывал почти ничего, кто-то десятки тысяч, кто-то уверял, что получает по двести тысяч за книгу. Никаких гарантий не было, но мысль уже поселилась в голове.

Любовный роман.

Диана никогда не собиралась писать любовные романы. Любовная линия существовала и в её фэнтези, но там она была лишь частью большого сюжета, а отдельная история исключительно про отношения казалась чем-то совершенно чужим. И всё же через некоторое время на экране появился новый документ, а в нём первая строка: «Героиня — тридцать один год. Архитектор».

Диана задумалась, почему именно архитектор, и решила, что, наверное, потому что звучит красиво. Следом написала: «Герой — владелец строительной компании», тут же скривилась и сказала вслух:

— Уже ужасно.

Документ она всё равно не закрыла.

Потом придумала, что герои ненавидят друг друга после проваленного совместного проекта, а теперь по какой-то причине вынуждены изображать пару. Причина долго не находилась. Реклама казалась глупой, сделка — слишком удобной, инвесторы — скучными, семья — банальной. Один ва-

риант она удалила целиком, второй продержался десять минут, третий уже можно было терпеть, а четвёртый неожиданно начал работать.

Через час на странице появились первая встреча, старый конфликт, вынужденный совместный вечер, поцелуй, которого «не должно было быть», будущий разрыв и финал. Только тогда Диана посмотрела на часы и поняла, что прошло почти три часа. За это время она не написала ни строчки своего фэнтези, зато придумала половину чужой книги, которую вообще не собиралась писать.

— Очень продуктивно.

Какаши оставался беспощаден.

Диана закрыла документ, но на следующий день снова открыла его и немного поправила структуру. Потом вернулась ещё раз. Через несколько дней у истории уже был полноценный трёхактный план, расписанные мотивации героев и последовательность основных сцен. Она всё ещё называла это развлечением и продолжала утверждать самой себе, что никакого романа писать не собирается.

Именно тогда появилась настоящая проблема: если всё-таки писать его самой, работа займёт месяцы, а деньги нужны были сейчас.

На счёте оставалось 229 632 рубля.

Диана несколько минут смотрела на план любовного романа, потом открыла нейросеть и почти сразу закрыла окно. Через минуту открыла снова. Раньше она уже пользовалась

такими сервисами — просила придумать варианты имени, составляла списки, искала направления для дальнейшего поиска, иногда просила переформулировать неудачное предложение, чтобы увидеть его под другим углом. Всё это не вызывало никаких особых чувств.

Но попросить написать книгу было совсем другим.

Неправильным.

Почти как списывание.

Настоящий писатель пишет каждое предложение сам — в этом Диана всегда была уверена. Во всяком случае, ей казалось, что была.

Она закрыла нейросеть и вернулась к фэнтези, заставила себя написать ещё полторы тысячи знаков, потом пошла на кухню готовить ужин. Открыв холодильник, вспомнила, что сыр закончился, и почти сразу в голове возник ценник того самого, любимого.

Через минуту Диана снова сидела перед компьютером.

Нейросеть была открыта.

Она вставила краткое описание первой сцены и положила пальцы на клавиатуру. В любой момент можно было всё удалить, закрыть вкладку и больше к этой идее не возвращаться. Через три месяца найти работу. Ничего страшного. Она уже работала много лет и поработает ещё. Книгу можно будет писать вечерами, как раньше: тысяча знаков сегодня, две завтра, иногда вообще ни одного. Возможно, ещё четыре года. Может быть, пять.

Диана посмотрела на магнит на холодильнике.

ПИШИ КНИГУ, ТРУСИХА.

— Да заткнись ты.

Она повернулась к экрану и напечатала: «Напиши сцену по этому плану от третьего лица, в жанре современной романтической прозы».

Несколько секунд Диана просто смотрела на готовый запрос. Сердце почему-то билось быстрее, будто она собиралась совершить нечто гораздо серьёзнее, чем отправить текст нейросети. Перед ней одновременно были открыты банковское приложение, её четырёхлетняя рукопись и новая вкладка с запросом. С одной стороны — 229 632 рубля и необходимость рано или поздно снова искать работу. С другой — книга, которую она наконец-то могла писать столько, сколько захочет.

Диана нажала Enter.

Текст начал появляться почти мгновенно: первый абзац, второй, несколько реплик диалога, описание обстановки. За одну минуту нейросеть выдала больше, чем Диана иногда успевала написать за целый вечер. Сначала она смотрела с любопытством, затем с раздражением, а через несколько минут снова с любопытством. Текст нельзя было назвать хорошим, но он оказался и не настолько ужасным, как ей хотелось бы. Он был слишком гладким, слишком правильным и слишком узнаваемым: героиня обязательно «чувствовала, как сердце забилось быстрее», герой непременно «усмехал-

ся уголком губ», а у каждого второго взгляда почему-то обнаруживалась особенная глубина.

— Конечно, усмехнулся. А как же иначе.

Диана начала править результат. Убрала лишние описания, переписала диалог, добавила пару бытовых деталей и перенесла часть сцены в другое место, потому что предложенный вариант казался слишком стерильным. Потом снова отправила текст и получила продолжение. Его она тоже исправляла. Через два часа на экране было уже несколько страниц, и это вызывало совершенно противоречивое ощущение: с одной стороны, Диана чувствовала себя почти мошенницей, а с другой — впервые за несколько недель тревога о деньгах немного отступила.

Если эта книга принесёт хотя бы тридцать тысяч, это уже время. Даже двадцать тысяч означали ещё несколько дней или неделю, когда не нужно искать работу. Если повезёт больше — две недели. Любая такая сумма позволяла ещё немного писать настоящую книгу, не просыпаясь каждое утро с мыслью о новом корпоративном чате.

Диана долго смотрела то на документ с любовным романом, то на открытое рядом фэнтези.

— Я продаю не душу. Я покупаю время.

Эта формулировка понравилась ей гораздо больше и почему-то сняла часть неприятного ощущения. Она не собиралась выдавать этот роман за великое произведение своей жизни, не собиралась отказываться от фэнтези и не собира-

лась внезапно становиться автором десятков однотипных историй. Ей просто нужны были деньги, а деньги в её нынешней ситуации означали не вещи и не развлечения. Они означали дни, когда можно писать то, что действительно важно.

После этого работать стало легче. Диана открыла отдельный документ и начала подробно раскладывать оставшиеся сцены, чтобы нейросеть не решала за неё, куда должна двигаться история. Она меняла мотивации, переставляла эпизоды, выкидывала слишком удобные совпадения и несколько раз полностью переписывала запрос, потому что герои начинали вести себя не так, как она задумала. К двум часам ночи структура наконец стала выглядеть цельной, примерно через час появилось рабочее название, а ещё позже были готовы первые главы.

Когда Диана наконец посмотрела на часы, было почти четыре утра. Глаза болели от экрана, на кухне стояла немытая кружка, а завтра — точнее, уже сегодня — она наверняка проснётся и почувствует стыд за всё, что сделала этой ночью. Возможно, даже закроет документ и решит, что никогда его не опубликует.

Но сейчас это казалось не самым важным.

Впервые за долгое время Диана не считала, на сколько дней ей хватит денег. Она сидела перед экраном и считала, сколько сцен осталось до конца.

Глава 2 Мария Северова

Утром Диана проснулась с ощущением, что ночью сделала что-то очень сомнительное. Первые несколько секунд она ещё не понимала что именно, потом увидела открытый ноутбук на столе, вспомнила любовный роман, нейросеть и четыре часа утра, после чего натянула одеяло выше и закрыла лицо.

— Прекрасно.

Стыд оказался особенно сильным именно утром, когда всё вчерашнее перестало казаться разумным. Ночью идея выглядела почти практичной: нужен дополнительный доход, есть готовый сюжет, есть инструмент, который может ускорить работу, а значит, почему бы хотя бы не попробовать. Утром это переводилось совсем иначе: Диана Умнова, которая четыре года мучила каждую сцену собственного фэнтези, за несколько часов получила почти пятьдесят страниц любовного романа, значительная часть которого была написана не ею.

Она полежала ещё немного, надеясь, что если достаточно долго не вставать, документ исчезнет сам. Не исчез. Какаши со стены тоже куда не делся.

— Даже не начинай.

Диана всё-таки поднялась, поставила чайник и вернулась к ноутбуку. Файл был открыт на сцене, которую она закон-

чила последней. Героиня стояла перед мужчиной, которого ненавидела, и почему-то замечала, как «его тёмный взгляд скользнул по её лицу».

Диана поморщилась.

— Тёмный взгляд не может скользить.

Она переписала фразу, потом ещё одну, а на третьем абзаце остановилась. Текст раздражал её не потому, что был совсем плохим. Было бы проще, если бы он оказался ужасным. Тогда можно было бы закрыть всё, признать эксперимент неудачным и вернуться к нормальной жизни.

Но текст был вполне читаемым.

Вот это бесило сильнее всего.

Он был гладким, иногда банальным, местами слишком сладким, но у него был ритм, сцены двигались, герои разговаривали, конфликт существовал. Человек, который просто хотел вечером открыть роман и отвлечься, вполне мог дочитать.

Диана взяла чашку и начала читать внимательнее. Нейросеть постоянно делала одно и то же: герои слишком часто смотрели друг другу в глаза, слишком много чувствовали грудью, сердцем и каким-то загадочным внутренним пространством, а любое напряжение между мужчиной и женщиной обязательно превращалось в «электричество».

Она открыла поиск по документу. Слово «сердце» встретилось сорок семь раз, «взгляд» — шестьдесят два, «дыхание» — тридцать девять.

— Вы там вообще дышите когда-нибудь нормально? Какаши, как обычно, сохранял нейтралитет.

Диана снова начала редактировать и через полчаса неожиданно поймала себя на том, что ей интересно. Не сам текст — процесс. Она всё ещё принимала почти каждое сюжетное решение сама. Если герои ехали на стройку, это происходило потому, что Диана решила, что они должны ехать на стройку. Если они ссорились, причиной была придуманная ею ошибка в старом проекте. Если мужчина пытался перейти границу слишком рано, Диана переписывала сцену и заставляла его отступить.

Нейросеть не знала, куда идёт история.

Она знала.

Эта мысль немного успокоила.

Диана открыла отдельный документ и написала сверху: «**ПРАВИЛА**». Сюжет остаётся её. Никакой публикации первого сгенерированного варианта. Читать всё. Переписывать всё, что звучит глупо, чуждо или противоречит характеристам. Не давать нейросети решать финал.

Она посмотрела на получившийся текст и усмехнулась. Получалось почти как договор с самой собой.

— Вот теперь мы приличные люди.

Следующие два дня Диана жила в странном режиме. Утром писала фэнтези, пока голова была свежая, после обеда занималась любовным романом. Иногда это раздражало, иногда неожиданно веселило, особенно когда нейросеть на-

чинала слишком стараться.

В одной сцене героиня должна была приехать на строительную площадку и потребовать переделать фасад. Вместо этого нейросеть отправила её в кафе, где она случайно столкнулась с героем возле стойки и пролила на него кофе.

Диана перечитала.

— Нет.

Она удалила сцену и отправила новый запрос. На этот раз героиня приехала на стройку, но герой оказался там в идеально сидящем костюме.

— Нет.

Ещё один запрос. Теперь он стоял среди рабочих в каске и белой рубашке с закатанными рукавами.

Диана задержалась на этом варианте.

— Ладно. Это оставим.

Потом задумалась и добавила грязь на рукавах. Стало лучше.

Постепенно Диана поняла, что больше всего ей не нравилась стерильность. Нейросеть легко выдавала красивую картинку, но почти никогда не добавляла мелкие неприятные детали, которые делали сцену живой. Если человек нервничал, он просто нервничал. Если шёл дождь, он красиво стучал по окнам. Если люди ели, тарелки каким-то образом никогда не мешали разговору.

Диана начинала добавлять это сама: застрявший пакет, размазанный карандаш, мокрый след от стакана на докумен-

тах, героиню, которая после тяжёлого разговора не плачет у окна, а идёт в туалет и обнаруживает, что порвала колготки. В какой-то момент новая версия сцены действительно стала лучше, и Диана перечитала её с раздражением, потому что ей понравилось.

— Отлично. Теперь ещё и понравилось.

Она закрыла файл, а через пять минут снова открыла.

К концу третьего дня у романа было уже больше половины объёма. Диана старалась не считать это достижением, но всё равно считала. За те же три дня фэнтези выросло примерно на девять тысяч знаков, а любовный роман — на десятки тысяч. Разница выглядела почти оскорбительно.

Несколько раз Диана ловила себя на неприятной мысли: а что если так пишется проще не потому, что жанр проще, а потому, что её собственная книга никому не нужна настолько сложной? Она сразу отгоняла эту мысль. Нет. Фэнтези было другим. Там был мир, история, политика, мифология и персонажи, которых она знала годами. Любовный роман был задачей, почти проектом. Именно поэтому он двигался быстрее. Эта формулировка помогала.

На четвёртый день Диана поняла, что если собирается действительно публиковать книгу, нужен псевдоним. Собственное имя даже не рассматривалось. Она не хотела, чтобы однажды человек, нашедший её фэнтези, открыл профиль и рядом увидел роман с мужчиной на обложке и словами «фиктивная любовь».

Нет.

Абсолютно нет.

Диана открыла новый документ и начала перебирать варианты. Мира Волкова казалась слишком похожей на автора фэнтези, Алина Ветрова — на человека, который пишет книги про богатых оборотней, Елена Громова звучала слишком по-настоящему, а на варианте «Элина Арден» Диана просто застонала.

— Господи, нет.

Она удалила всё и попробовала исходить из другого принципа: имя должно быть обычным, запоминающимся и настолько нейтральным, чтобы никто никогда не подумал о ней.

Мария.

Подходило.

Фамилия появилась почти случайно.

Северова.

Мария Северова.

Диана произнесла вслух:

— Мария Северова.

Ничего. Никакой ассоциации. Прекрасно.

Она даже открыла поиск, чтобы проверить, не существует ли уже какой-нибудь очень известной Марии Северовой, и, не найдя ничего настолько очевидного, чтобы сразу отказаться от идеи, записала имя в отдельный файл.

Мария Северова была удобной. У неё не было прошлого.

Она не росла по съёмным квартирам, не сидела в ванной после сообщения начальника, не считала, сколько дней можно жить без зарплаты, и не мечтала стать популярнее Роулинг. Мария Северова просто писала любовные романы.

Диане неожиданно стало легче, словно между ней и книгой появилась необходимая дистанция.

Через несколько дней роман был почти готов. Не идеально, даже близко не идеально, но закончен. Диана прочитала его целиком за два вечера: местами морщилась, местами правила, один диалог переписала полностью, потому что герой звучал так, будто проходил собеседование на должность собственного мужа. Несколько сцен сократила, одну выкинула совсем, в другой добавила больше конфликта, потому что персонажи слишком быстро переставали злиться друг на друга.

Финал она написала почти полностью сама.

Это почему-то было важно.

Когда последняя сцена закончилась, Диана долго смотрела на документ и ждала какого-то чувства. Гордости не было. Облегчение — да. Усталость — тоже. Стыд никуда не делся, но рядом с ним появилось ещё кое-что: любопытство.

А вдруг действительно кто-то купит?

На следующий день она начала заниматься оформлением, и это оказалось отдельным видом страдания. Обложки любовных романов словно существовали в параллельной реальности, где мужчины всегда были либо миллиардерами,

либо владельцами подпольной империи, а женщины никогда не выглядели так, будто им нужно утром ехать в поликлинику.

Диана просмотрела десятки вариантов. Мужчина в костюме казался слишком корпоративным. Мужчина без рубашки — просто нет. Мужчина без рубашки на фоне небоскрёба — тем более нет. Мужчина, который держит женщину за талию так, будто собирается похитить, вообще выглядел как начало уголовного дела.

В итоге Диана выбрала более спокойный вариант: мужчина в тёмной рубашке стоит у панорамного окна, рядом женщина, оба повернуты так, что лица почти не видны. Достаточно романтично, достаточно жанрово и никто не выглядит так, будто через пять минут кого-нибудь свяжут.

Теперь нужно было название.

Это оказалось ещё хуже.

Диана хотела что-то не слишком позорное и достаточно понятное читателю. После часа вариантов получила: **«Фиктивная любовь босса. Сделка без чувств»**.

Она смотрела на название минуту.

— Я ненавижу всё в этой строке.

Потом подумала и решила, что именно поэтому оно подходит. В нём были фиктивные отношения, босс и обещание конфликта. Жанр читался мгновенно.

Следом понадобилась аннотация. Вот её Диана решила написать сама. После нескольких неудачных заходов получи-

лось: «Я ненавижу Марка Орлова с того дня, когда из-за него потеряла самый важный проект в своей карьере». Дальше появились вынужденное сотрудничество, три месяца фиктивных отношений и правила: никаких чувств, никаких поцелуев вне камер, никаких нарушений договора.

Диана перечитала текст и усмехнулась.

— Значит, нарушат всё.

Это было настолько очевидно, что даже нравилось.

Она ещё немного поправила аннотацию и сохранила.

До публикации оставался один шаг, и вот тут внезапно стало страшно. До этого всё можно было считать экспериментом, файлом на компьютере, глупостью, практикой — чем угодно. Публикация превращала это в книгу, в товар, в вещь, за которую люди могут отдать деньги.

Диана открыла страницу самиздата, загрузила файл и обложку, ввела имя автора — **Мария Северова**, название — **«Фиктивная любовь босса. Сделка без чувств»**, выбрала жанр, теги, возрастное ограничение и вставила аннотацию. Потом дошла до кнопки публикации и не нажала.

Закрыла вкладку.

Через десять минут открыла снова.

Всё было сохранено. Кнопка никуда не делась.

Диана встала, прошла на кухню, налила воды, посмотрела на Какаши и вернулась.

— Если никто не купит, это даже хорошо. Я просто проверю.

Плакат не спорил.

Диана села, навела курсор на кнопку и снова убрала руку. Если книга провалится — будет стыдно. Если продастся — почему-то тоже. Второй вариант пугал даже сильнее, и Диана не хотела слишком глубоко размышлять, почему.

Она нажала «Опубликовать».

На экране появилось сообщение, что книга отправлена на модерацию. Всё. Никакой молнии, никакой полиции нравственности, никто не постучал в дверь и не забрал у неё право называться писателем. Просто модерация.

Диана закрыла ноутбук, через минуту открыла обратно и проверила статус.

Модерация.

— Конечно.

На следующий день пришло уведомление, что книга опубликована. Диана открыла страницу и увидела обложку, название, имя Марии Северовой, цену и кнопку покупки. Всё выглядело слишком настоящим. Она прокрутила страницу вниз, потом вверх и снова посмотрела на имя.

Мария Северова.

Не она.

Это помогало.

Диана решила, что не будет проверять статистику вообще, хотя бы неделю. Если смотреть каждый час, она сойдёт с ума — это она знала о себе совершенно точно. Поэтому открыла настройки браузера, добавила страницу статистики в блоки-

ровку сайтов и установила срок на семь дней.

Семь дней без продаж, просмотров и отзывов. Как будто книги вообще не существует.

После этого Диана открыла своё фэнтези. Первые десять минут ничего не писалось, потому что в голове всё равно крутилась одна мысль: а вдруг уже купили? Она посмотрела на заблокированную вкладку, напомнила себе про семь дней и заставила вернуться к сцене. Через полчаса герои снова начали разговаривать, а через два часа она почти перестала думать о Марии Северовой.

Почти.

К вечеру пришло сообщение от Леры.

Ты завтра свободна? Кофе?

Диана посмотрела на календарь. На следующий день никаких дел не было. То есть формально у неё теперь вообще почти никогда не было дел.

Давай.

Лера сразу ответила:

В два? В нашем месте.

Да.

Диана закрыла переписку и вернулась к рукописи.

Следующий день оказался холоднее, чем она ожидала. По дороге к кафе начался мелкий дождь, и Диана пожалела, что не взяла зонт. Лера уже сидела за столиком у окна и листала телефон.

— Ты похудела? — спросила она вместо приветствия.

— Нет.

— А выглядишь как будто.

— Это безработица.

Лера засмеялась, Диана сняла куртку и села. Они заказали кофе, и она автоматически посмотрела на цену, после чего запретила себе переводить капучино в упаковки макарон. Получилось не сразу.

Первые минут пятнадцать разговор был нормальным. Лера рассказывала про работу, про коллегу, которая снова собиралась разводиться, про знакомую, переехавшую в Петербург. Диана слушала, смеялась и почти расслабилась.

Потом Лера спросила:

— Ну и что у тебя дальше?

Диана знала, что этот вопрос когда-нибудь появится, и всё равно он ей не понравился.

— В смысле?

— Ну с работой.

— Пока никак.

— Ты даже не ищешь?

— Иногда смотрю.

— И?

— Закрываю.

Лера покачала головой.

— Диан, ну серьёзно.

— Я серьёзно.

— Ты же понимаешь, что деньги закончатся?

Диана сделала глоток кофе.

— Да.

— И что тогда?

— Посмотрим.

— Что посмотрим?

Диана поставила чашку.

— Лер, я пишу книгу.

— Я знаю. Но книга и работа друг другу не мешают.

Диана ничего не ответила.

— Все люди не хотят работать, — продолжила Лера.

— Я не говорила, что я особенная.

— Ну а получается как будто так. Ты же не можешь просто решить: всё, теперь я писательница, и больше никогда не работаю.

— Я такого тоже не говорила.

— А что ты говоришь?

Диана посмотрела в окно. Дождь уже стал сильнее.

— Что я хочу хотя бы несколько месяцев попробовать нормально писать.

— Ты и раньше могла писать вечером.

Эта фраза задела сильнее всего, потому что Диана слышала её уже десятки раз: от знакомых, от коллег, от самой себя.

— Я четыре года так писала.

— И?

Диана посмотрела на Леру.

— И за четыре года написала примерно половину книги.

Лера пожала плечами.

— Ну так у всех жизнь.

— Я знаю.

— Тогда я не понимаю, чего ты ждёшь.

Диана почувствовала, как начинает злиться. Не сильно.

Пока.

— Я ничего не жду. Я пробую.

— На последние деньги.

— Не на последние.

— Они же не бесконечные.

— Спасибо, я в курсе.

Лера вздохнула.

— Я просто переживаю.

Вот эта фраза Диану всегда раздражала, потому что после неё обычно следовало что-то неприятное. Так вышло и сейчас.

— Тебе тридцать, Диан. Ну вот если у тебя не получится, что дальше? Кто тебя будет содержать?

Диана несколько секунд молчала.

— Я себя всегда содержала сама.

— Я не об этом.

— А о чём?

— О будущем. Семья, отношения. Ты вообще об этом думаешь?

Диана почувствовала, что разговор ушёл куда-то совсем не туда.

— Иногда.

— И?

— Что «и»?

— У тебя же даже отношений никогда толком не было.

Вот теперь стало действительно неприятно.

Диана отвела взгляд. Лера, видимо, поняла, что сказала лишнее, но уже продолжила:

— Я не в плохом смысле. Просто ты всё время откладываешь жизнь. Сначала учёба, потом работа, теперь книга.

Диана смотрела на чашку. Фраза была несправедливой, но именно поэтому так хорошо попадала в больное место. Иногда ей самой казалось, что она действительно всё время ждёт момента, когда жизнь наконец начнётся. Только сейчас впервые за много лет ей казалось, что она как раз начала.

— Я не хочу ещё десять лет писать по вечерам, — сказала она.

Лера вздохнула.

— А если книга не выстрелит?

Диана подняла глаза.

— Тогда не выстрелит.

— И пойдёшь работать?

— Наверное.

— Тогда почему не сейчас?

Диана устала.

— Потому что сейчас я ещё могу не идти.

Лера ничего не ответила.

Они допили кофе уже гораздо тише. Когда Диана вышла из кафе, дождь почти закончился. Она не стала сразу вызывать транспорт и пошла пешком, хотя до дома было далеко.

Слова Леры неприятно крутились в голове: кто тебя будет содержать, если не получится, тебе тридцать, у тебя даже отношений не было. Диана ускорила шаг. Она понимала, что Лера, наверное, не пыталась специально сделать ей больно, но от этого легче не становилось.

Телефон лежал в кармане, а до окончания блокировки статистики оставалось несколько часов. Диана проверила время и увидела, что прошли шесть дней и двадцать один час. Формально ещё нельзя.

Она прошла ещё квартал, потом остановилась под навесом закрытого магазина, достала телефон и открыла браузер. Страница статистики была заблокирована.

Доступ будет восстановлен через 3 часа 11 минут.
— Серьёзно?

Она сама установила это ограничение. Сама.

Диана зашла в настройки, отключила блокировку и снова открыла страницу. Появилась авторизация, потом загрузка. На секунду она закрыла глаза и попыталась заранее договориться с собой, что любой результат нормальный. Если там ноль — ничего страшного, это всего неделя, никто не обязан покупать неизвестного автора. Если десять — уже хорошо. Если двадцать — очень хорошо.

Страница открылась.

Диана сначала решила, что смотрит не туда.

В строке продаж стояло:

1 037

Она моргнула и обновила страницу.

1 038

Диана замерла под навесом. На улице проезжали машины, кто-то рядом разговаривал по телефону, дождь капал с края крыши прямо на асфальт, а она смотрела на цифру и не понимала, что с ней делать.

Тысяча тридцать восемь человек купили книгу.

Её книгу.

Нет.

Не её.

Книгу Марии Северовой.

Диана открыла раздел с начислениями и посчитала комиссии. Потом ещё раз, потому что с первого раза не поверила. Сумма была не огромной, не двести тысяч и не обещание новой жизни, но её хватало примерно ещё на месяц. На целый месяц, в течение которого можно не отправлять резюме, не открывать вакансии и не читать «коллеги, подскажите статус».

Ещё месяц для фэнтези.

Диана стояла под навесом и чувствовала, как впервые за долгое время тревога внутри становится тише. Она ещё раз посмотрела на цифру, улыбнулась и тихо сказала:

— Мы купили месяц.

Через секунду сама себя поправила:

— Ладно. Я купила. Мария Северова тоже немного помогла.

Дома Диана первым делом открыла фэнтези, и в тот вечер слова почему-то шли легче.

Глава 3 Купленный месяц

На следующее утро Диана проснулась раньше будильника и почти сразу вспомнила про тысячу продаж. Ощущение было странное: не радость в чистом виде и даже не гордость, а скорее облегчение, настолько непривычное, что первые несколько минут она просто лежала и смотрела в потолок. Ещё вчера цифры на банковском счёте постоянно что-то от неё требовали — ускориться, решиться, искать работу, сократить расходы, придумать запасной план. Сегодня они впервые за долгое время будто немного отступили. Не исчезли совсем, но хотя бы перестали стоять над душой.

Диана взяла телефон и открыла страницу Марии Северной. За ночь продажи выросли ещё немного. Она посмотрела на цифру и почти сразу закрыла страницу. Так нельзя. Вчера она уже сорвала собственный недельный запрет, а если теперь начнёт обновлять статистику каждые двадцать минут, новая свобода закончится психозом.

Она открыла банковское приложение, прикинула будущие выплаты и снова посчитала, сколько времени фактически купила эта книга. Получалось около месяца, возможно, чуть больше, если не тратить лишнего. Раньше месяц казался коротким, а теперь звучал почти роскошно. Тридцать дней, в течение которых никто не заставляет её писать резюме, проходить собеседования и объяснять незнакомому че-

ловеку, почему после четырёх лет опыта она вдруг решила уйти без нового места. Тридцать дней, когда можно просто писать.

Диана повернула голову к Какаши.

— Мы молодцы.

Потом сразу поправилась:

— Ладно. Я молодец.

Плакат не спорил.

Она встала, сварила кофе и впервые за несколько недель не открыла таблицу расходов за завтраком. Это оказалось сложнее, чем должно было быть: рука буквально сама потянулась к файлу.

— Нет. Сегодня я живу как человек.

Через десять минут Диана всё-таки открыла таблицу, но только чтобы внести вчерашний кофе с Лерой. После этого закрыла. Почти победа.

В тот день фэнтези писалось легко. Не идеально, но без постоянных остановок на мысли о деньгах. Диана закончила сцену, над которой возилась несколько дней, и впервые за долгое время не стала сразу проверять количество знаков. Ещё неделю назад каждая тысяча была единицей выживания, теперь снова становилась просто текстом, и это нравилось.

К вечеру у неё получилось почти семь тысяч знаков. Диана перечитала последнюю сцену и неожиданно улыбнулась: в ней наконец заработал диалог, который раньше казался де-

ревянным. Героиня перестала говорить как человек, обязанный объяснить читателю все свои чувства, а второстепенный персонаж внезапно стал живее, чем Диана планировала. Такое она любила больше всего — когда история начинала немного сопротивляться, когда персонаж переставал идеально выполнять план и сам подталкивал сцену куда-то в сторону.

Именно поэтому работа над фэнтези ощущалась совершенно иначе, чем роман Марии Северовой. Там Диана всё время контролировала механизм. Здесь иногда казалось, будто она просто идёт следом.

На следующий день ей пришёл первый отзыв. Уведомление появилось утром, и Диана несколько секунд не открывала его, а потом всё-таки нажала. Пять звёзд. Читательница написала, что прочитала книгу за один вечер и теперь хочет ещё что-нибудь похожее.

Диана несколько раз перечитала отзыв. Он был коротким, совсем простым, но это был первый человек, который не просто купил книгу, а дочитал и захотел ещё. Диана почувствовала совершенно неправильную эмоцию — удовольствие. Вот это уже было опасно. Она ведь не должна была радоваться, по крайней мере не так. Это была временная книга, техническая, коммерческая, почти случайная. Мария Северова не была настоящей.

И всё же Диана сделала скриншот отзыва.

Потом сразу разозлилась на себя и спрятала его в отдель-

ную папку.

К обеду появился второй отзыв, потом третий. Не все были восторженными. Кто-то пожаловался на предсказуемость, кто-то написал, что главный герой слишком идеальный, а одна читательница поставила три звезды и сообщила, что «в целом нормально, но второй раз не прочитала бы».

Именно этот отзыв Диана запомнила лучше всех.

Три звезды. «Нормально». Без объяснений.

Диана открыла его ещё раз, потом ещё, пытаясь понять, что именно было не так. Понять было невозможно. Она закрыла страницу и через пять минут снова открыла.

— Ты вообще не настоящий автор. Успокойся.

Не помогло.

Она впервые поняла, почему писатели советуют не читать отзывы. Проблема была не в плохих, а в тех, где читатель ничего толком не объяснял. Если человек писал «слишком много клише» — понятно. Если «не понравился герой» — тоже. Но три звезды без комментария превращались в загадку, которую мозг мог решать бесконечно.

Диана закрыла сайт и открыла фэнтези. Через десять минут поняла, что всё ещё думает о трёх звёздах, через двадцать — что уже придумывает ответ читательнице, хотя отвечать вообще не собиралась.

— Имеет право.

Стало чуть легче.

Продажи тем временем продолжали расти. Не так резко,

как в первую неделю, но стабильно. Книга попала в небольшую тематическую подборку, потом несколько читательниц начали отмечать её в своих постах. Одна сделала короткое видео с любимыми цитатами, и Диана испытала очень странное чувство, увидев фразу, которую сама переписывала ночью, наложенную на музыку и красивый фон.

Это было уже почти слишком.

Она открыла комментарии. Люди спрашивали название, кто-то писал, что уже скачал, кто-то спорил, действительно ли Марк Орлов токсичный или просто «сложный мужчина». Диана сидела перед экраном и не знала, смеяться ей или бояться. Марк Орлов — персонаж, которого неделю назад вообще не существовало, — теперь становился поводом для споров между незнакомыми людьми. Она даже поймала себя на желании вмешаться и объяснить, кто прав, но не стала. Мария Северова должна была молчать.

Через несколько дней пришло письмо от платформы. Диана сначала решила, что что-то случилось с оплатой, но оказалось, что ей предлагают добавить книгу в новую подборку современных любовных романов. Условия были обычными: дополнительная видимость, скидка, продвижение внутри платформы.

Диана прочитала письмо дважды.

Это было хорошо. Очень хорошо. И именно поэтому неприятно.

Она открыла фэнтези. На странице всё ещё стояли послед-

ние написанные главы. Эта книга пока ничего не зарабатывала, вообще не существовала для читателей, а любовный роман, который Диана создала почти как финансовый эксперимент, уже звали в подборки. Она почувствовала что-то похожее на ревность к собственной книге.

Это было настолько нелепо, что Диана даже рассмеялась. Потом всё равно ответила согласием.

Деньги были деньгами.

На следующий день продажи действительно выросли, ещё через день пришли новые отзывы, и впервые кто-то попросил продолжение.

Очень хочу отдельную книгу про подругу героини!

Диана долго смотрела на комментарий. Подруга героини существовала примерно в четырёх сценах. Диана даже не придумала ей нормальную биографию: нейросеть дала ей имя, которое она оставила, потому что не хотела тратить время. А теперь кто-то хотел про неё целую книгу.

— Нет.

Диана закрыла страницу.

Через час пришёл ещё один похожий комментарий, потом третий. Она начала понимать, что случайно сделала себе маленькую проблему. Мария Северова не должна была становиться серией. Такого не было в плане. Она должна была написать одну книгу, получить немного денег и исчезнуть. Очень простая схема, но читатели почему-то не были в курсе этой схемы.

Через несколько дней на почту пришло автоматическое сообщение о том, что у книги хороший темп продаж и автору рекомендуется «поддерживать интерес аудитории регулярными публикациями». Диана удалила письмо, потом восстановила из корзины, прочитала ещё раз и в итоге оставила.

Вечером она снова открыла статистику. Там было уже несколько тысяч продаж. Не фантастические цифры, не бестселлер всей страны, но намного больше, чем Диана ожидала. Она пересчитала доход, потом ещё раз, и сумма уже означала не просто месяц. Если продажи не обвалятся совсем, возможно, получится полтора.

Диана смотрела на расчёты и чувствовала, как внутри сталкиваются две совершенно несовместимые реакции. Первая была очевидной: отлично, можно писать дальше, не искать работу, не паниковать, не экономить до состояния, когда половина куриной грудки превращается в стратегический актив. Вторая была гораздо неприятнее: почему это работает? Почему именно это? Почему книга, на которую она потратила несколько дней, вдруг оказалась кому-то нужна?

Рациональный ответ Диана знала. Жанр, обложка, тропы, популярный формат, алгоритмы, подборка — всё объяснялось. И всё равно обижало.

Она открыла папку с фэнтези. Там лежали старые версии глав, заметки, карты, таблицы персонажей, отдельный файл с историей мира и документ, в котором Диана однажды три часа выбирала названия для двух рек.

Четыре года.

И рядом — Мария Северова.

Неделя работы и несколько тысяч продаж.

Диана откинулась на спинку стула и посмотрела на Какаши.

— Это нечестно.

Он выглядел так, будто давно знал.

На следующий день она решила, что больше не будет смотреть статистику Марии каждый день. Раз в неделю, максимум. Это решение продержалось до вечера, потом Диана всё-таки проверила продажи один раз. На следующий день — два. К концу недели она уже знала примерный ритм продаж по часам и могла по цифрам понять, когда книга попадала в рекомендации.

Это начинало напоминать работу, а Диана этого не хотела.

Она снова закрыла страницу и установила для себя новое правило: Мария Северова должна помогать фэнтези, а не отнимать у него время. С утра она открывала только свою настоящую книгу. Никаких продаж, отзывов и писем. До обеда существовали только Диана Умнова и её мир, после обеда можно было проверить всё остальное.

Так стало легче.

Фэнтези действительно начало двигаться быстрее. За две недели Диана написала больше, чем иногда писала за два месяца, и впервые увидела конец не как абстрактную точку когда-нибудь в будущем, а как вполне реальную часть текста.

Оставалось несколько крупных сцен, финальная конфронтация, последствия и последняя глава. Она уже знала, как всё закончится.

Это знание пугало.

Пока книга была незаконченной, она могла быть идеальной — в голове, в заметках, в планах. Как только Диана поставит последнюю точку, появится конкретный текст, который можно оценивать, ругать, сравнивать и не любить.

Она несколько дней откладывала одну из последних сцен. Вместо неё правила старые главы, проверяла имена, уточняла детали мира, которые никто, кроме неё, скорее всего, даже не заметит. Однажды потратила сорок минут на то, чтобы решить, в какой руке второстепенный герой держал нож в сцене на двести страниц раньше. Когда поймала себя на этом, закрыла файл.

— Ты просто боишься закончить.

Фраза прозвучала неприятно правдиво.

Диана встала, пошла на кухню, сделала кофе и вернулась, потом открыла последнюю сложную сцену и начала писать. Первые полчаса шло тяжело, потом быстрее. Через несколько часов она поняла, что плачет. Не от самой сцены, скорее от усталости. Вытерла лицо и продолжила.

К вечеру сцена была закончена. На следующий день — ещё одна. Потом оставался финал.

Диана не сказала об этом Лере. Вообще никому. Ей казалось, если произнести вслух «я почти закончила», что-то

обязательно сломается, поэтому она просто писала.

Параллельно Мария Северова продолжала продаваться сама по себе. Иногда приходили письма, иногда отзывы. Однажды Диана получила сообщение от читательницы, которая написала, что книга помогла ей отвлечься после тяжёлой недели.

Диана перечитала его несколько раз.

Вот это было сложнее всего.

Можно было сколько угодно говорить себе, что роман ненастоящий, коммерческий, быстрый, сделанный с нейросетью. Но человек по ту сторону экрана не знал ничего из этого. Он просто прочитал историю и почувствовал себя чуть лучше.

Диана не знала, что делать с таким фактом, поэтому ничего не ответила. Только сохранила сообщение.

Однажды вечером она всё-таки купила любимый сыр, тот самый, за тысячу двести. Стояла в магазине, смотрела на цену и почти автоматически хотела положить обратно, потом вспомнила, сколько сегодня продалось книг Марии Северовой, и взяла.

Дома Диана нарезала два тонких кусочка, положила на хлеб и вдруг поняла, насколько давно не покупала что-то просто потому, что хочется. Это было смешно: сыр, не отпуск, не новая техника, не дорогая одежда, просто сыр — и всё равно казалось почти символом достатка.

Диана съела первый кусок и посмотрела на Какаши.

— Вот. Продалась. В прямом смысле.

Ей стало смешно.

На следующий день она написала почти десять тысяч знаков, а ещё через два дня открыла документ с финальной главой. Несколько часов ничего не получалось. Она ходила по квартире, перечитывала начало книги, смотрела заметки четырёхлетней давности и в одном старом файле нашла первую версию главной героини — совсем другую, с другим характером, другим возрастом и даже другим именем.

Диана читала и улыбалась. За четыре года изменилась не только книга, она тоже. Некоторые вещи, которые казались важными в двадцать шесть, теперь выглядели смешными. Какие-то персонажи стали мягче, какие-то жестче, некоторые темы вообще исчезли, другие появились сами. Наверное, поэтому книга и не могла быть написана за месяц. Она росла вместе с ней.

Диана вернулась к последней главе и наконец начала. Писала до двух ночи, потом до трёх, а в четыре поняла, что осталось несколько абзацев. На этом месте она остановилась и несколько минут просто смотрела на последний диалог. Не хотелось писать дальше, потому что дальше будет конец.

Она встала, налила воды, вернулась и села. Какаши смотрел со стены.

— Всё. Хватит.

Диана дописала последний абзац и поставила точку. Несколько секунд ничего не происходило. Она ожидала че-

го-то большего — музыки, слёз, какого-то внутреннего хлопка, — но на экране просто мигал курсор после последнего предложения.

Она посмотрела на часы. Было 02:16.

Потом на статистику документа.

Потом снова на последнюю строку.

Четыре года.

Диана нажала «Сохранить». Файл назывался **«финал_последний_реально_точно.docx»**, и от одного этого она рассмеялась. А потом внезапно заплакала — тихо, без понятной причины, которую можно было бы объяснить.

Ей захотелось кому-нибудь позвонить.

Первой мыслью была мама.

Она исчезла почти сразу.

Диана сидела перед экраном и смотрела на телефон. Лере звонить не хотелось после последнего разговора, другие знакомые были слишком далеко от этой части её жизни. И тогда она вдруг очень ясно поняла, что человека, которому можно позвонить в два часа ночи и сказать «я закончила книгу», у неё нет.

Это открытие немного испортило момент.

Диана вытерла лицо, сделала скриншот последней страницы и сохранила его в телефоне — для себя. Потом открыла банковское приложение. Баланс больше не выглядел как обратный отсчёт до катастрофы. В этом месяце придут выплаты от Марии Северовой, следом, возможно, ещё.

Она посмотрела на цифру и впервые по-настоящему поняла смысл фразы, которую сказала в ту ночь. Мария действительно купила ей время.

И Диана успела.

На экране всё ещё была открыта последняя страница фэнтези. Она закрыла банковское приложение и вернулась к ней.

В этот раз деньги могли подождать.

Глава 4 Последняя глава

До конца книги оставалось три главы, и именно в этот момент Диана почти перестала писать. Первые несколько дней она пыталась убедить себя, что просто устала. За последние недели фэнтези росло с такой скоростью, какой она от себя никогда не видела, и организм вполне мог потребовать передышку. Теперь ей не приходилось выдавливать из себя по тысяче знаков после рабочего дня, когда голова была занята чужими задачами и таблицами. Она могла встать утром, сварить кофе, открыть рукопись и заниматься только ею до самого вечера. Деньги Марии Северовой действительно подарили ей эту возможность, и сначала Диана использовала её почти жадно: пять тысяч знаков за день казались нормой, семь — хорошим результатом, однажды получилось почти десять, и она ещё час ходила по квартире с ощущением, будто открыла в себе сверхспособность.

А потом осталось три главы. В понедельник Диана решила проверить начало книги, просто убедиться, что первая сцена всё ещё ей нравится. Через два часа она уже меняла диалог во второй главе, который спокойно существовал четыре года и почему-то именно сегодня стал невыносимым. Во вторник понадобилось срочно проверить хронологию одного события. В среду она обнаружила, что не до конца понимает, сколько времени герои добирались из одного города в дру-

гой, хотя этот вопрос никак не влиял на последние главы. В четверг провела сорок минут, выясняя, в какой руке второстепенный персонаж держал нож в сцене, написанной почти два года назад.

После этого Диана закрыла документ и посмотрела на Какаши.

— Я саботирую.

Плакат не возражал.

— Мог бы хотя бы иногда меня поддерживать.

Выражение единственного открытого глаза не изменилось.

Диана встала и пошла на кухню. На холодильнике по-прежнему висел магнит с требованием писать книгу. Последние недели он раздражал её меньше, потому что формально она выполняла приказ, но теперь снова начинал действовать на нервы.

— Я пишу. Просто не последние три главы.

Никто не спорил.

Она достала молоко, налила немного в кофе и поняла, что разговаривает одновременно с плакатом и холодильником. Видимо, социальная изоляция писателя всё-таки существовала.

Телефон лежал на столе. Диана машинально открыла статистику Марии Северовой. Роман продолжал продаваться не так резко, как в первые дни, но достаточно стабильно, чтобы каждый раз, когда она смотрела на начисления, становилось

легче дышать. Приходили новые отзывы. Кто-то снова спрашивал про продолжение, одна читательница хотела отдельную историю про второстепенного героя, другая требовала «дать счастье Лизе», которую Диана вообще вводила исключительно затем, чтобы главной героине было с кем поговорить в двух сценах. Всё это всё ещё казалось абсурдным, но абсурд исправно оплачивал продукты.

Диана закрыла статистику и вернулась к фэнтези. Три главы никуда не делись. Она прекрасно знала, что в них произойдёт: финальная конфронтация была расписана практически по сценам, последствия тоже, а последний эпизод существовал у неё в голове несколько лет. Иногда перед сном Диана мысленно доходила до него и представляла последнюю реплику героини. Когда-то именно эта сцена помогала писать дальше: если добраться до неё, всё сложится. Теперь добраться оставалось совсем немного, и Диана вдруг не хотела.

Причину она поняла только вечером. Пока книга не закончена, с ней ничего нельзя сделать. Она ещё не плохая и не хорошая. Её нельзя провалить, нельзя получить две звезды, никто не может написать, что мир вторичен, героиня раздражает, сюжет предсказуем, а автор явно переоценивает собственные способности. Незаконченная книга была обещанием. В ней всё ещё можно было исправить, добавить, убрать, переписать и однажды сделать идеальной. Законченная становилась конкретной, а значит, её придётся кому-нибудь по-

казать.

Диана несколько минут смотрела на экран, потом громко сказала:

— Вот трусиха.

Магнит на холодильнике наконец оказался полностью прав.

На следующий день она запретила себе открывать предыдущие главы и даже спрятала боковую панель с содержанием, чтобы не было соблазна. Разрешался только текущий файл. Диана поставила рядом кофе, телефон перевернула экраном вниз и написала первую фразу финальной конфронтации. Фраза была плохой, и она её удалила. Вторая тоже не понравилась. Третья оказалась терпимой, четвёртая появилась почти сразу, а примерно через сорок минут произошло то, ради чего Диана и любила писать: она перестала замечать отдельные предложения.

Персонажи снова начали жить. Ей больше не приходилось думать, какую реплику поставить следующей. Диалог вытягивал следующий, действие рождало реакцию, сцена, которую она столько раз прокручивала в голове, вдруг оказалась немного другой. Второстепенный герой сказал не то, что стояло в плане. Диана сначала хотела исправить, потом поняла, что так лучше. Из-за этой реплики пришлось поменять несколько абзацев дальше, зато конфликт стал острее. Она писала до темноты, не включая верхний свет, и заметила это только тогда, когда буквы на клавиатуре почти перестали

быть видны.

За день получилось восемь с половиной тысяч знаков. Финальная конфронтация была закончена, и после короткого перечитывания последних абзацев Диана сохранила файл. Вместо облегчения пришёл новый приступ страха: теперь оставалось всего две главы.

На следующий день осталась одна.

Последняя.

Утром Диана открыла её и ничего не написала до обеда. Потом сходила в магазин, хотя продукты были. Купила хлеб, яйца и зачем-то средство для стёкол. Вернулась домой, протёрла зеркало в ванной, окно на кухне и экран телевизора. Разобрала ящик со старыми проводами, выбросила зарядку от телефона, которого не было уже лет семь, нашла две батарейки, не поняла, рабочие они или нет, и положила обратно. К четырём часам квартира стала заметно чище, а последняя глава всё ещё состояла только из заголовка.

Диана села за ноутбук.

— Всё.

Через минуту встала и поставила чайник.

— Это последнее.

Какаши выглядел оскорбительно спокойно.

— Тебе легко. У тебя манга закончилась давно.

Она сделала кофе и снова села. В этот раз не встала.

Первые несколько абзацев шли медленно. Диана знала эту сцену слишком хорошо. Любое написанное предложение ка-

залось хуже версии в голове, потому что в голове не требовалось подбирать слова. Там были сразу чувство, картинка, музыка, нужный взгляд. На странице всё это приходилось переводить на язык, и перевод неизбежно что-то терял. Она заставила себя продолжать, напоминая, что сейчас не обязательно писать идеально, нужно просто дойти до конца, а исправить можно потом.

К вечеру начало получаться. За окном зажглись окна соседних домов, потом постепенно погасли. Диана один раз вспомнила, что ничего не ела с обеда, сделала бутерброд и принесла его к компьютеру. Он пролежал рядом почти час, пока она не заметила.

В 01:46 оставалась примерно страница. Диана посмотрела на часы и почувствовала, как внутри всё сжалось. Последнюю сцену она придумала ещё в двадцать семь. Тогда была жива совсем другая версия книги: другие персонажи, часть другого сюжета, некоторые имена с тех пор менялись дважды. Но этот эпизод пережил всё. Героиня возвращалась домой не победительницей и не человеком, который получил всё, чего хотел, а просто собой, только немного другой. Диана всегда любила именно это.

Она написала ещё абзац, потом ещё. Осталась последняя реплика, и Диана знала её почти дословно. Пальцы легли на клавиатуру, но в этот момент ей вдруг захотелось позвонить маме.

Мысль пришла настолько естественно, что Диана на се-

кунду даже повернулась к телефону. Вот сейчас написать: «Мам, я почти закончила». Мама бы спросила, почему она не спит в два часа ночи. Потом наверняка попросила бы прислать книгу. Диана сказала бы, что там четыреста тысяч знаков и она всё равно не прочитает. Мама возмутилась бы, а через неделю спросила бы, почему в первой главе столько странных имён.

Диана сидела неподвижно.

Мамы не было уже много лет, и она прекрасно это знала. Обычно это знание не причиняло острой боли. Оно стало частью мира, такой же постоянной, как квартира, возраст или необходимость утром чистить зубы. Иногда Диана могла несколько дней вообще не думать о родителях, иногда вспоминала что-то смешное, иногда во сне они были живыми, и после пробуждения требовалось несколько секунд, чтобы всё вернулось на место.

Но хорошие события почему-то до сих пор работали хуже плохих.

Когда случалось что-нибудь неприятное, Диана привыкла справляться сама. Это она умела. Когда происходило что-то хорошее, внутри всё ещё иногда возникало старое движение: рассказать.

Она взяла телефон, открыла контакты и почти сразу закрыла. Номеров родителей давно там не было. Когда-то Диана сама их удалила, потому что каждый случайный взгляд на имена делал больно. Сейчас почему-то пожалела. Не по-

тому, что можно было бы позвонить, а просто хотелось, чтобы хотя бы имя осталось.

Диана отложила телефон и посмотрела на экран. Последняя реплика ждала. Она напечатала её, прочитала, исправила одну запятую, потом добавила последнее предложение. Точку поставила в 02:13.

Несколько секунд Диана просто сидела. Ничего не произошло. Компьютер не заиграл музыку, за окном не вспыхнул салют, Какаши не ожил и не сообщил, что всегда в неё верил. Курсор просто мигал после точки.

Диана посмотрела на него и почему-то рассмеялась.
— Всё. Я закончила.

Она произнесла это уже Какаши. Тот сохранял профессиональную невозмутимость.

Диана нажала «Сохранить». Файл всё ещё назывался **«финал_последний_реально_точно.docx»**, потому что несколько месяцев назад она решила, что это название временное, а потом привыкла. Потом посмотрела на дату создания первого файла книги.

Почти четыре года.

За это время Диана меняла работу, переезжала, хоронила родителей, несколько раз была уверена, что бросит рукопись, потом возвращалась, переписывала первые главы, выкидывала десятки страниц, добавляла новые, ненавидела героиню, снова начинала её любить и бесконечно обещала себе, что «в этом году точно закончу».

И вот закончила.

Она почувствовала, что плачет, только когда слеза упала на руку. Вытерла щёку и улыбнулась.

Хотелось кому-нибудь написать. Не обязательно звонить. Просто отправить два слова: «Я закончила».

Диана открыла переписку с Лерой. После кафе они общались мало. Лера несколько раз присылала мемы и спрашивала, как дела, Диана отвечала нормально, но прежней лёгкости пока не было.

Я закончила книгу.

Палец завис над отправкой. Диана представила ответ. Возможно, «Поздравляю». Возможно, «Наконец-то». Возможно, Лера действительно обрадуется. Но сейчас почему-то не хотелось проверять.

Она стёрла сообщение, потом открыла список контактов, пролистала несколько имён и закрыла. Не было человека, которому она хотела рассказать именно сейчас, и это оказалось самой неприятной частью вечера.

Диана посмотрела на Какаши.

— Получается, ты. Поздравляй.

Тишина.

— Спасибо. Очень трогательно.

Она рассмеялась сквозь слёзы, сделала скриншот последней страницы и сохранила в телефоне. Через секунду подумала и создала отдельную папку с названием **«Я всё-таки закончила»**, положила туда скриншот и закрыла галерею.

Спать Диана легла почти в четыре, но уснула не сразу. В голове почему-то продолжали звучать сцены из книги. Не последние, а самые разные: первая встреча героев, диалог из шестой главы, сцена, которую она переписывала десять раз, персонаж, которого вообще не было в первом плане и который в итоге стал одним из любимых.

Утром оказалось, что закончить книгу — не значит закончить с книгой. Диана поняла это примерно через пятнадцать минут после пробуждения. Она открыла файл с совершенно невинным намерением перечитать последнюю главу и почти сразу нашла повтор. Потом не понравилось предложение двумя абзацами выше, затем возникло подозрение, что предыдущая сцена заканчивается слишком резко. Через час Диана уже снова редактировала.

— Нет.

Она отняла руки от клавиатуры. Если продолжить так, через месяц книга снова будет «почти закончена». Нужно было двигаться дальше.

Диана открыла поисковик и набрала: «корректор художественной литературы цена». Результаты не обрадовали. Полноценная редакция стоила особенно неприятно. Диана несколько раз пересчитала цену на объём своей рукописи и решила, что пока не готова отдавать такую сумму. Корректур выглядела терпимее.

Она нашла несколько специалистов, почитала отзывы, открыла ещё десяток вкладок и к вечеру выбрала женщину,

которая специализировалась на художественной прозе и не обещала «превратить любой текст в бестселлер». Последнее Диане понравилось особенно.

Она написала сообщение, указала объём и спросила о сроках. Ответ пришёл довольно быстро.

Здравствуйте! Да, могу взять. Пришлите, пожалуйста, файл, я посмотрю небольшой фрагмент и точно сориентирую по стоимости и срокам.

Диана посмотрела на слово «пришлите» и внезапно поняла, что сейчас чужой человек впервые увидит книгу целиком. До этого отдельные куски иногда читала Лера, пару сцен Диана когда-то показывала знакомым, но весь текст — от первой страницы до последней — не видел никто.

Она прикрепила файл.

Отцепила.

Снова прикрепила.

— Господи.

Какаши наблюдал.

— Там четыреста тысяч знаков. Она не будет смеяться над одной фразой.

Это никак не помогло.

Диана всё-таки нажала отправить.

Спасибо, файл получила. Завтра напишу по стоимости.

Она закрыла чат и испытала желание отключить интернет. Чужой человек уже мог читать первую страницу. Прямо сей-

час. Возможно, читал. Возможно, на втором абзаце уже понял, что автор бездарен.

— Это корректор. Ей запятые нужны.

Диана походила по комнате, потом открыла статистику Марии Северовой, потому что рядом с ней всё было проще. Там появился новый отзыв на пять звёзд. Читательница писала, что несколько дней ходила под впечатлением от отношений героев и надеется на вторую книгу.

Диана посмотрела на отзыв и неожиданно подумала, что Марию Северову уже прочитали тысячи людей, а она до сих пор боится одного корректора. Сравнение было не совсем честным: за Марию можно было спрятаться, за Диану — нет.

На следующий день корректор назвала цену. Она оказалась чуть выше, чем хотелось, но ниже худшего варианта, который Диана успела себе придумать. Диана открыла приложение банка, потом статистику Марии и снова посмотрела на цену. Получалось почти символично: любовный роман мог оплатить подготовку фэнтези к публикации.

— Ну конечно.

Если бы кто-нибудь рассказал ей месяц назад, что книга, которую она будет стыдливо прятать под псевдонимом, оплатит корректуру романа, над которым она работала четыре года, Диана решила бы, что вселенная слишком любит иронию. Но деньги были настоящими, работа корректора тоже, поэтому она согласилась.

Корректор написала, что понадобится около недели.

Неделя без возможности постоянно лезть в текст выглядела одновременно страшно и прекрасно. Диана решила заняться обложкой и тут выяснила, что у неё есть совершенно конкретное изображение, которое невозможно объяснить другому человеку.

Она просмотрела портфолио нескольких художников, сохранила примеры, удалила половину, снова открыла. У одной понравился свет, но не лица. У другой — персонажи, но все обложки выглядели слишком нежно. Третий рисовал красиво, но каждая женщина на его работах была похожа на одну и ту же женщину с разным цветом волос.

Наконец Диана нашла художницу, чьи работы заставили остановиться. Цена тоже заставила остановиться. Она смотрела на прайс и пыталась определить, насколько сильно ей нужна именно эта обложка.

Очень.

К сожалению.

Диана написала. Художница ответила вечером и попросила описать героиню, мир, ключевые символы и желаемое настроение. Через сорок минут Диана обнаружила, что написала почти страницу текста. Перечитала и поняла, что половина информации для обложки совершенно бесполезна. Она сократила всё до нескольких абзацев, отправила и сразу вспомнила ещё одну очень важную деталь. Дописала вторым сообщением. Через минуту — третьим.

— Всё. Теперь молчим.

Художница ответила дружелюбным «поняла :)), что Диана решила считать хорошим знаком.

Следующие дни оказались странными. Впервые за долгое время у неё не было основной книги, которую можно открыть и писать. Конечно, существовала вторая часть. Цикл Диана придумала давно, и в отдельной папке лежали заметки, несколько сцен и документ с названием «**ИДЕИ 2**».

Она открыла его. Первая же запись гласила: «Поговорить про зеркало». Диана нахмурилась. Какое зеркало? Следующая: «Он НЕ ЗНАЕТ». Кто? Что не знает? Ниже стояло: «Здесь сделать очень больно».

— Спасибо, Диана двадцати восемью лет. Очень информативно.

Ещё через несколько строк она нашла: «Не забыть лошадь». Вот здесь стало совсем плохо. Диана несколько минут пыталась вспомнить, о какой лошади идёт речь, но так и не смогла.

— Надеюсь, ты была не очень важная.

Она закрыла файл.

Начинать вторую часть до публикации первой казалось преждевременным, но ничего не делать Диана тоже не умела, поэтому занялась аннотацией. Через три часа пожалела. Оказалось, пересказать собственную книгу в нескольких предложениях сложнее, чем написать саму книгу в четыреста тысяч знаков. В первом варианте Диана попыталась объяснить мир, и получилось похоже на статью в энциклопедии.

Во втором сосредоточилась на героине, но пропал главный конфликт. В третьем появился конфликт, зато текст звучал так, будто героиня должна спасти весь мир до пятницы.

Диана удалила всё и начала заново. К вечеру существовал вариант, который она не ненавидела, а это уже можно было считать достаточно высоким стандартом.

Через несколько дней корректор прислала первые вопросы. Ничего ужасного. В одном месте имя второстепенного персонажа отличалось от того, которое использовалось дальше. В другом герой снял перчатки, а через пару страниц снял их снова.

Диана перечитала.

— Он мог надеть обратно.

Потом посмотрела сцену внимательнее.

— Ладно. Не мог.

Ещё одна чашка перемещалась по комнате без участия персонажей. В шестой главе герой сначала стоял у двери, через предложение почему-то оказался возле окна, а ещё через два снова был у двери.

Диана закрыла лицо ладонями.

— Четыре года. Четыре года я это читала.

Корректор нашла телепортирующегося мужчину за два дня.

Станным образом именно эти ошибки успокоили. Они были конкретными и исправимыми. Не «книга плохая», а «здесь не сходится имя». Не «автор бездарен», а «пропущена

запятая». С этим Диана умела работать.

Когда вернулся весь файл, она два дня принимала правки и проверяла комментарии. Потом прочитала книгу ещё раз, уже не трогая каждую фразу, и впервые позволила себе просто дойти от начала до конца. Где-то хотелось переписать, где-то всё ещё было неловко, но были и сцены, которые ей нравились. Несколько — очень.

Диана закончила чтение ночью и поняла, что больше ничего принципиального менять не хочет. Эта мысль одновременно освободила и напугала.

Оставалась обложка.

Первый вариант пришёл на следующий день. Диана открыла изображение и замерла. Оно не было точной копией той картинки, которая существовала у неё в голове. Конечно, не было. Никто, кроме Дианы, никогда не видел эту картинку. Но там был нужный свет, нужное настроение, силуэт героини и архитектура на заднем плане, похожая на то, что она представляла все эти годы.

Внизу стояло её имя.

Диана Умнова.

Вот это оказалось сильнее всего. Не персонаж, не название, а собственное имя.

Диана приблизила обложку и долго смотрела на эти два слова. В груди снова появилось то же ощущение, что в ночь окончания книги. Хотелось показать маме. Она даже подумала, какую именно фразу та сказала бы первой. Наверное,

спросила бы, почему имя такое маленькое. Или наоборот, сказала бы, что слишком большое. Потом показала бы кому-нибудь из знакомых раньше, чем Диана успела запретить.

Диана улыбнулась, а потом глаза снова защипало.

— Ну зачем.

Она закрыла картинку, через минуту открыла обратно, сохранила в телефон и поставила на экран блокировки. Посмотрела пару секунд и сразу убрала.

— Нет. Это уже самовлюблённость.

Какаши не высказывался.

Художнице Диана попросила изменить одну мелкую деталь и подтвердила остальное. Через два дня пришёл финальный файл. Теперь технически всё было готово: книга, корректура, обложка, аннотация. Оставалось загрузить.

И Диана снова начала тянуть время.

В первый день решила, что нужно ещё раз проверить начало, но остановила себя на второй странице. Во второй подумала, что название можно сделать лучше, а через час вернулась к старому. В третий выяснилось, что нужно определить цену, и это заняло неприлично много времени. На четвёртый Диана поняла, что занимается ровно тем же, что перед последней главой: боится закончить следующий этап.

Только теперь за ним действительно стояли люди.

Она открыла страницу публикации и начала заполнять поля. Имя автора, название, жанр, теги, возрастное ограничение, аннотация, файл, обложка. После Марии Северовой ин-

терфейс был знаком почти до скуки, но всё равно ощущался совершенно иначе.

Когда она вводила «Мария Северова», это было похоже на игру. Новая личность, которой ничего не страшно, потому что настоящую Диану никто не увидит.

Теперь в поле «Автор» стояло:

Диана Умнова

Она долго смотрела на имя.

Ни псевдонима, ни ширмы. Если книга окажется плохой, плохую книгу написала именно она. Если кому-то не понравится героиня, это её героиня. Если раскритикуют мир — её мир. Если найдут сюжетную дыру, никакой нейросети, инструмента или временного коммерческого эксперимента между Дианой и критикой уже не будет.

Диана дошла до кнопки публикации. Палец лежал на тачпаде. Нажать было легко, но она закрыла вкладку.

— Завтра.

На следующий день повторилось то же самое. Ещё через день Диана открыла страницу утром, дошла до той же кнопки и снова почувствовала, как внутри всё сжимается.

Она посмотрела на холодильник. Магнит был виден даже отсюда.

ПИШИ КНИГУ, ТРУСИХА.

— Я написала.

На этот раз фраза прозвучала почти вызывающе.

Она посмотрела на Какаши.

— Четыре года. Всё. Теперь уже поздно бояться.

Это было неправдой. Бояться было совершенно не поздно, но можно было бояться и нажать кнопку одновременно.

Диана снова открыла страницу публикации, проверила имя, файл и обложку, после чего остановила курсор над кнопкой. Завтра её книгу впервые смогут купить люди. Настоящие, незнакомые, те, кому она ничего не сможет объяснить после.

Диана глубоко вдохнула и нажала.

Глава 5 Настоящая книга

После нажатия кнопки ничего не произошло. Диана ещё несколько секунд смотрела на экран, словно сайт обязан был подтвердить важность момента хотя бы красивой анимацией, но вместо этого появилась обычная надпись о том, что книга отправлена на модерацию. Та же самая, которую она уже видела у Марии Северовой. Тогда сообщение показалось почти смешным, сейчас — издевательски будничным. Она обновила страницу, потом ещё раз, но статус не изменился.

— Да поняла я.

Какаши со стены не вмешивался.

Диана закрыла вкладку, через минуту снова открыла и тут же разозлилась на себя. Модерация не станет быстрее от того, что она будет наблюдать за ней лично. Она знала это совершенно точно, настолько точно, что спустя десять минут проверила ещё раз.

Весь день оказался испорчен ожиданием. Писать вторую часть не получалось, читать тоже. Даже сериал, который Диана включила фоном, раздражал, потому что герои разговаривали слишком медленно и отвлекали от телефона. Каждое уведомление заставляло её хвататься за экран, но приходили только реклама магазина, сообщение от банка и очередной комментарий Марии Северовой.

Роман Марии продолжал жить собственной жизнью с пу-

гающей самостоятельностью. За последние сутки продажи снова выросли, под книгой появился новый отзыв на пять звёзд, а кто-то в очередной раз спрашивал, будет ли отдельная история про Лизу. Диана посмотрела на статистику и закрыла страницу. Сегодня она не хотела думать о Марии. Сегодня существовала только настоящая книга.

Вечером статус всё ещё не изменился. Ночью тоже. Диана легла позже двух, утром проснулась в половине девятого и первым делом потянулась к телефону.

Модерация.

— Вы там роман вручную переписываете?

К одиннадцати она уже успела позавтракать, помыть кружку, переставить две книги на полке и трижды открыть страницу. В 12:43 статус наконец изменился.

Опубликовано.

Диана замерла. Слово было простым, она видела его раньше, ничего особенного, и всё равно сердце забилось быстрее. Она нажала на название и открыла карточку книги. Там были обложка, аннотация, цена, жанры и её имя.

Диана Умнова.

Она смотрела на него дольше всего. Теперь это было не изображение от художницы и не форма публикации, которую можно закрыть до нажатия кнопки. Страница существовала. Её мог открыть любой человек.

Диана скопировала ссылку и открыла переписку с Лерой. Почти отправила, потом закрыла. Пока не хотелось.

Она вернулась на страницу книги и увидела ноль продаж. Конечно, прошло меньше минуты. Диана обновила страницу — ноль. Ещё раз — снова ноль.

— Нормально.

Через пять минут она проверила снова. Ноль.

Диана встала из-за стола и пошла на кухню, решив, что следующий раз проверит хотя бы через час. Налила воду, посмотрела в окно, вернулась к компьютеру через четыре минуты и обновила страницу.

Продано: 1.

Диана перестала дышать. Несколько секунд она просто смотрела на цифру. Кто-то купил. Не скачал бесплатный отрывок, не поставил закладку, не открыл страницу, а именно купил. Она наклонилась ближе к экрану, будто цифра могла оказаться оптической иллюзией.

— Один человек. Настоящий человек.

Какаши сохранял спокойствие.

Диана обновила страницу. По-прежнему один, и это почему-то даже нравилось. Первый покупатель существовал отдельно. Не статистика, не тысяча, а один конкретный незнакомый человек, который увидел обложку, прочитал аннотацию и решил, что хочет эту книгу. Диана попыталась представить его, но не получилось.

Через двадцать минут появилась вторая продажа. Она улыбнулась так широко, что сама это почувствовала.

— Два.

В какой-то момент Диана поняла, что буквально сообщает плакату каждую новую покупку, но останавливаться было уже поздно.

К вечеру было девять продаж. После первой тысячи Марии Северовой это число должно было казаться ничтожным, но не казалось. Каждая продажа ощущалась гораздо сильнее. У Марии Диана смотрела на цифры как на подтверждение, что эксперимент сработал. Здесь каждая цифра будто говорила, что кто-то согласился рискнуть деньгами на историю, которую она носила в голове четыре года.

Перед сном стало одиннадцать. Диана сделала скриншот, потом подумала, что скриншот одиннадцати продаж выглядит немного жалко, и всё равно сохранила.

Утром было восемнадцать, к вечеру — двадцать семь. На второй день продажи замедлились, на третий почти встали. Диана обновляла статистику всё чаще, хотя каждый раз обещала себе прекратить. Она знала, что происходит: у новой книги была маленькая стартовая видимость, несколько человек увидели её в новинках, а потом она начала постепенно опускаться.

Нужно было продвижение, и Диана открыла рекламный кабинет. Тут началась другая форма тревоги. Тратить деньги на рекламу книги было гораздо страшнее, чем тратить их на продукты. Продукты хотя бы превращались в еду. Реклама могла превратиться буквально ни во что.

Она посмотрела на доступные форматы, почитала реко-

мендации, открыла несколько статей и обсуждений. Кто-то советовал начинать с небольшой суммы, кто-то писал, что меньше двадцати тысяч вообще бессмысленно, кто-то утверждал, что самиздат без рекламы не существует.

Диана открыла банковское приложение. Денег после выплат Марии было достаточно, чтобы не паниковать, но старый голос всё равно сразу включился: не трать, можно без этого, подожди, а вдруг книга сама пойдёт.

Она посмотрела на двадцать семь продаж, потом на статистику Марии Северовой. За тот же период Мария продала больше, значительно больше. От этого решение стало ещё неприятнее.

Диана снова вернулась к рекламному кабинету и выставила бюджет в пятнадцать тысяч. Пятнадцать тысяч. На продукты этого хватило бы надолго, можно было оплатить коммуналку, купить несколько десятков любимых сыров, если уж совсем потерять связь с реальностью. Вместо этого она собиралась отдать деньги алгоритму, который обещал показать книгу людям.

— Это инвестиция.

Какаши выглядел так, будто слышал эту фразу и про новую книгу месяц назад.

— На этот раз правда.

Она нажала кнопку. Реклама ушла на модерацию, а Диана почувствовала себя так, словно только что проиграла пятнадцать тысяч в автомате.

На следующий день показы начались, и продажи немного выросли. Потом ещё. Диана открывала статистику и пыталась высчитать, окупается ли реклама. Получалось непонятно. Она пересчитывала стоимость покупки, комиссию платформы, доход с одной книги, пыталась оценить, сколько людей увидели рекламу и сколько купили. Через час у неё появилась таблица, ещё немного позже — три сценария: при хорошем конверте реклама могла окупиться, при среднем — почти, при плохом Диана просто подарила платформе пятнадцать тысяч.

— Очень успокаивает.

Она закрыла таблицу и через пять минут снова открыла.

К концу недели у книги было чуть больше сотни продаж. Сто — это было много и мало одновременно. Если бы несколько месяцев назад кто-то сказал Диане, что сто незнакомых людей купят её роман, она бы не поверила. Но рядом была Мария Северова, и рядом с Марией сто выглядело иначе.

Диана старалась не сравнивать. Получалось плохо. Она открывала две страницы в соседних вкладках и смотрела то на Марию, то на Диану. Продажи первой продолжали расти заметно быстрее. Иногда за один день Мария продавала столько, сколько фэнтези за несколько.

Диана понимала причины. Современный любовный роман короче, доступнее, жанр шире, обложка сразу обещает понятную историю. Фэнтези от неизвестного автора требует

большого доверия. Она знала всё это и всё равно не могла избавиться от очень неприятной мысли: книга, которую она не считала до конца своей, кормила её, а книга, которую считала собой, пока почти никому не была нужна.

Диана ненавидела эту формулировку именно потому, что она звучала правдиво.

На восьмой день пришёл первый отзыв. Уведомление появилось утром, и Диана несколько секунд не открывала его. С Марией было проще: там плохой отзыв можно было мысленно разделить между собой, жанром и нейросетью. Здесь делить было не с кем.

Она нажала.

Пять звёзд.

Диана прочитала отзыв один раз, потом второй. Читательница писала, что сначала долго привыкала к миру, но потом втянулась, а последние главы проглотила за вечер. Отдельно похвалила главную героиню и написала, что после финала сразу пошла проверять, есть ли продолжение.

Диана перечитала последнюю фразу ещё раз и сделала скриншот. Сохранила в ту же папку, где лежала последняя страница рукописи. Это уже не казалось жалким.

Она сидела перед экраном и улыбалась, а потом неожиданно заплакала — совсем немного, буквально несколько слёз.

— Нормально.

Какаши не задавал вопросов.

На следующий день появился второй отзыв на четыре звезды. Читателю понравился мир, но показалось, что начало слишком медленное. Диана сразу почувствовала укол. Начало она переписывала больше всего. Потом прочитала отзыв ещё раз и поняла, что человек всё равно дочитал. Нормально. Можно пережить.

Третий отзыв был снова на пять, четвёртый — на три. Диана увидела цифру и заранее напряглась. Комментарий гласил, что главная героиня «слишком много думает и слишком долго сомневается».

Она несколько секунд смотрела на экран, потом на Какаши.

— Она думает нормальное количество.

Плакат не вмешивался.

— У неё вообще-то сложная ситуация.

Диана дочитала отзыв. Мир читателю понравился, второстепенные персонажи тоже. Это немного утешило. Через час она поймала себя на том, что мысленно спорит с незнакомым человеком, закрыла отзывы, а вечером открыла снова. Три звезды никуда не делись.

— Имеет право. Но не прав.

Так стало легче.

Через две недели реклама закончилась. Диана открыла итоговые цифры и долго пыталась понять, довольна она или нет. Продажи выросли, подписчики появились, несколько человек добавили её страницу в избранное. Реклама окупилась.

лась не полностью, но и провалом не была. Диана решила считать это результатом.

И всё равно открыла Марию.

Там цифры были выше. Намного.

Диана закрыла обе страницы, пошла на кухню, открыла холодильник и посмотрела на любимый сыр. Мария Северова позволяла покупать его без внутреннего совещания. Диана взяла кусочек и вернулась к компьютеру.

На странице фэнтези появился новый комментарий.

Когда будет вторая часть?

Диана улыбнулась. Это был уже не первый такой вопрос.

Она открыла папку с продолжением. Там всё ещё лежали старые заметки: «Поговорить про зеркало», «Он НЕ ЗНАЕТ», «Здесь сделать очень больно», «Не забыть лошадь».

— Вы даже не представляете, на что подписались.

Она создала новый документ и назвала его «**Книга 2**», потом немного подумала и переименовала в «**Книга 2 НОРМАЛЬНО**». Так стало лучше.

Диана написала первую сцену. Получилось плохо, и она её удалила. Написала снова — на этот раз немного лучше. Через два часа было почти три тысячи знаков. Телефон снова загорелся новым уведомлением о продаже, но Диана не открыла статистику.

Она продолжила писать.

В тот вечер ей впервые показалось, что, возможно, настоящая книга просто идёт медленнее, чем Мария Северова.

Но всё-таки идёт.

Глава 6 Семьсот против пяти тысяч

Через три недели после публикации фэнтези у Дианы появилось новое утреннее развлечение: открывать две статистики рядом и портить себе настроение ещё до кофе. Она несколько раз обещала себе перестать. Даже переносила ярлыки сайтов в разные папки, будто лишние два клика могли победить человеческое любопытство, но почти каждое утро всё равно происходило одно и то же. Сначала страница Дианы Умновой. Потом Мария Северова. Потом короткая пауза, во время которой можно было сделать вид, что цифры ничего не значат.

Сегодня значили. У фэнтези было семьсот двенадцать продаж, у Марии Северовой — пять тысяч сто восемьдесят четыре. Диана долго смотрела на оба числа.

— Семьсот — это много.

Какаши не возражал.

— Очень много.

Она сделала глоток кофе.

— Просто рядом с пятью тысячами выглядит как будто я проиграла самой себе.

Плакат сохранял мудрое молчание человека, которому не приходилось конкурировать с собственным псевдонимом.

Диана закрыла вкладку Марии, потом снова открыла, потому что хотела посмотреть динамику за неделю. Ошибка. Любовный роман продавался ровно, уверенно и без видимого желания когда-либо оставить её в покое. Фэнтези тоже росло, но медленнее. Иногда случались хорошие дни после чьей-нибудь рекомендации, иногда продажи почти замирали, потом снова поднимались. У книги уже были читатели, несколько десятков отзывов и люди, которые регулярно спрашивали про вторую часть. Всё шло хорошо.

Это и было главной проблемой. Если бы фэнтези провалилось, можно было бы пожалеть себя. Если бы взлетело сразу, можно было бы праздновать. А оно шло хорошо — медленно, нормально, как, вероятно, и должна идти первая книга неизвестного автора без издательства, огромной аудитории и волшебного алгоритма, который однажды утром решает, что теперь ты знаменитость.

Диана знала это разумом. Разум вообще прекрасно справлялся с любой ситуацией, если его не смешивать с эмоциями.

Она открыла отзывы фэнтези. За ночь появился новый на пять звёзд. Читательница писала, что долго откладывала книгу из-за объёма, а потом проглотила за три дня и теперь злится, потому что продолжения ещё нет. Диана улыбнулась. Это помогло. Потом увидела под отзывом вопрос:

Автор, когда ждать вторую часть?

Улыбка стала осторожнее.

Она перевела взгляд на открытый файл с продолжением.

За последние три недели там появилось около сорока тысяч знаков. По прежним меркам — огромный объём. По новым требованиям читателей — примерно ничто.

Диана уже поняла неприятную вещь: когда первую книгу никто не ждёт, можно писать четыре года. Когда ждут, каждый день без новой главы начинает казаться личным преступлением перед человечеством. Пока никто её не торопил всерьёз. Люди спрашивали дружелюбно. Некоторые добавляли сердечки. Одна читательница даже написала, что готова ждать столько, сколько понадобится. Именно это сообщение почему-то давило сильнее остальных.

Диана открыла документ и попыталась вернуться к сцене, над которой остановилась вчера. Героиня разговаривала с персонажем, который в первой книге появлялся всего несколько раз, а теперь должен был стать важнее. Диана перечитала диалог, добавила две реплики и тут же увидела новое уведомление на почте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.